

УДК 94(44).087
ББК 63.3(4Фра)63

Распад французской колониальной империи в политике памяти Пятой республики

Е.И. Филиппова¹, В.Р. Филиппов²

¹Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
(Москва, Россия)

²Институт Африки РАН (Москва, Россия)

The Collapse of the French Colonial Empire in the Memory Politics of the Fifth Republic

E.I. Filippova¹, V.R. Filippov²

¹Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russia)

²Institute for African Studies RAS (Moscow, Russia)

Историческая память французов о французской колониальной империи и ее распаде противоречива и ситуативна. Апологетическая версия исторической памяти трактует французский колониализм как цивилизаторскую миссию Франции на Черном континенте. В основе этой версии лежат мифологемы, сформулированные Ш. де Голлем и его сподвижниками Ж. Фоккаром, Ф. Уфуэ-Буаньи и др. Такой подход к оценке исторического прошлого влияет на официальную политику памяти Пятой республики. В той или иной степени ему сохраняют верность все президенты Французской республики от Ж. Ширака до Э. Макрона. На идеологической платформе этой «патриотической версии» национальной истории Французской Республики выстраиваются политические практики Елисейского дворца в африканских странах. Эти практики, получившие название «Франсафрик», представляют собой латентный механизм сохранения экономической и политической зависимости стран Тропической Африки от бывшей метрополии. Альтернативная версия исторической памяти трактует колониализм как преступление против человечества, а африканскую политику Елисейского дворца – как особую форму неоколониализма, призванную обеспечить политические и экономические предпочтения Франции в странах, бывших ранее ее колониями. Эта интеллектуальная традиция конструируется усилиями Ф.-К. Вершава и его единомышленников – исследователей, объединенных в неправительственной общественной организации «Выживание» («Survie»).

Ключевые слова: Франция, Африка, Франсафрик, неоколониализм, историческая память, Шарль де Голль, Франсуа-Ксавье Вершав.

The historical memory of the French about the collapse of the French colonial empire is controversial and situational. The apologetic version of historical memory interprets French colonialism as the civilizational mission of France on the Black Continent. This version is based on mythologemes formulated by C. de Gaulle and his associates J. Foccart, F. Houphouët-Boigny and others. This is the approach to the historical past that informs the official historical narrative and memorial policy of the Fifth Republic. To a degree, all the presidents of the French Republic from J. Chirac to E. Macron remain faithful to it. This “patriotic version” of the national history provides the ideological foundation for Champs Elysee’s policies toward African nations. These policies, collectively known as “France-Afrique”, represent a latent mechanism for preserving economic and political dependence of the Tropical Africa’s nations on their former colonial master. An alternative version of historical memory interprets colonialism as a crime against humanity, and the African policy of the Champs Elysees as a special form of neocolonialism, designed to promote France’s political and economic preferences in the countries that were formerly its colonies. This intellectual tradition is cultivated in the work of F.-X. Verschave and other researchers, members of the non-governmental organization “Survie”.

Key words: France, Africa, Françafrique, neocolonialism, historical memory, Charles de Gaulle, Francois-Xavier Verschave.

DOI 10.14258/izvasu(2020)6-13

Вряд ли существует более значимое в истории Французской Республики событие, нежели распад французской колониальной империи. Исторические катаклизмы, связанные с деколонизацией, оказались чрезвычайно болезненными для французского общества, разделив его на сторонников сохранения имперского «величия» Франции и тех, кто видел величие своей страны в верности принципам свободы, равенства и братства. Раскол произошел не только в массовом сознании французов, но зачастую и в сознании отдельных граждан Пятой республики. Самый яркий пример тому – Ш. де Голль, ставший президентом республики на волне этих событий.

Над де Голлем довлела апологетическая традиция, согласно которой Франция «облагодетельствовала» Африку, ибо познакомила дикие племена с благами цивилизации, а «принесенный французами мир пришел на смену произволу и нищете» [1, р. 341]. Именно де Голль создавал мифологемы, которые легли в основу государственной идеологии и политики памяти. Он убеждал своих соотечественников в том, что метрополия несла на себе все тяготы Французской империи: «Мы должны были на огромных пространствах нести все возрастающие расходы на управление, на общественные работы, просвещение, социальное обеспечение, здравоохранение, безопасность <...> Мы принесли им нашу цивилизацию... создали на каждой территории централизованную систему управления... мы создали элиты, которые уже стремились занять наше место».

Политика Пятой республики требовала стерилизации исторической памяти французов, они должны были верить в то, что африканцы «склонны сохранять тесные связи с нами... Мы приняли на себя обязательства стать их привилегированными партнерами... Привести народы заморских владений к самоуправлению и, в то же время, наладить с ними сотрудничество» [2, р. 42].

На самом деле речь шла о «создании системы интегральной зависимости... о сохранении кортежа клиентелистских государств, о доступе к их природным ресурсам и контроле над политическими партиями» [3]. Так конструировался латентный механизм французской неоколониальной стратегии, создавались сети военно-политического и экономического влияния, формировались лоббистские группы. У истоков этой политики, получившей название «Франсафрик», стоял Ж. Фоккар, генеральный секретарь по африканским и малагасийским делам администрации президента.

В создании идеологии «Франсафрик» деятельное участие принимал поверенный президента в иностранных делах Ф. Уфуэ-Буањи. Именно он «прилагал все усилия к тому, чтобы воплощать в жизнь, развивать и вдохновлять африканскую политику Франции» [4, р. 261], и именно он еще в 1955 г. ввел

в политический лексикон сам термин «Франсафрик», вкладывая в него позитивный смысл.

Однако случилось так, что этот термин стал использоваться по большей части для последовательной критики африканской политики Елисейского дворца. В 1984 г. была создана ассоциация «Выживание» («Survie»), объединившая ученых и журналистов, убежденных в том, что историческая память французов должна основываться не на апологетике политики государства, а на исторической правде, какой бы горькой она ни была, и опубликовавших десятки книг и статей, разоблачающих деятельность сетей «Франсафрик». Одним из основателей, а затем и председателем ассоциации стал Ф.-К. Вершав [5].

Кроме самого Вершава [6], который стал культовой фигурой для его единомышленников, о политике «Франсафрик» писали П. Пено, С. Футойе, Ф. Тарри, Т. Нуаро, К. Вотье. Под эгидой «Выживания» опубликованы исследования о военных интервенциях Франции на Африканском континенте в постколониальный период, действиях французских спецслужб в Руанде, поддержке Францией сепаратистов Биафры; деструктивной роли французской дипломатии и спецслужб в ЦАР, об их вмешательстве в выборы в ряде стран, расовых предрассудках во французском обществе. В работах П. Пена и Ж.Ф. Байара речь идет о коррупционных схемах, порожденных системой «Франсафрик», связях Елисейского дворца с коррумпированными африканскими правителями. Труды этих честных исследователей во многом способствовали воссозданию подлинной истории франко-африканских отношений и оказали серьезное влияние на массовое сознание французов.

Официальная же «политика памяти» весьма противоречива и далеко не всегда последовательна. Во французском законодательстве существуют четыре «мемориальных закона», устанавливающих отношение государства к различным историческим фактам. Первым из них стал закон от 13 июля 1990 г., осуждающий расизм, антисемитизм и ксенофобию и карающий за отрицание холокоста. В 2001 г. были приняты закон о признании геноцида армян 1915 г., а также закон, признавший работорговлю и рабовладение «преступлениями против человечности» и включивший преподавание этой части национальной истории в школьные программы. Наконец, в 2005 г. появился закон о государственном признании и поддержке французов-репатриантов, одна из статей которого, предписывавшая рассказывать в школах о «позитивной роли колонизации», вызвала столь острую полемику в обществе, что президент Ж. Ширак по постановлению Конституционного совета изъясил ее из текста закона.

Философ Б.-А. Леви так прокомментировал это предложение: «Нам уже пытались объяснить „позитивные аспекты“ режима Виши... Теперь нам рассказывают то же самое о позитивной роли, а то и о гу-

манистической миссии французского присутствия в Африке <...>. Колониальная идея сама по себе порочна; колониальная авантюра была темной страницей нашей истории. И поведение тех, кто сегодня пытается отрицать очевидное <...> пахнет возвратом в прошлое» [7, р. 29].

Характерно, что закон, осуждающий работорговлю, был принят по инициативе депутата Национального собрания Гвианы К. Тобира, чьи предки были рабами, а одним из идеологов закона о позитивной роли колонизации был Х. Мекашера, выходец из Алжира, сын офицера и сам бывший офицер французской армии, впоследствии – французский политический деятель, министр по делам ветеранов. Это лишний раз напоминает о том, что колонизация – более сложное историческое явление, чем его представляют те, кто рассуждает в дихотомической логике колонизаторы/колонизуемые, злодеи/жертвы и др.

Первые лица французского государства неизбежно вынуждены формулировать свою позицию по «неудобным» вопросам исторического прошлого. Достаточно предсказуемо политики «левой» ориентации оказываются большими критиками колониализма и рабства, чем представители «правого» лагеря, хотя при более внимательном взгляде видна непоследовательность и противоречивость позиций большинства из них.

Ж. Ширак, например, официально признавший ответственность Франции за депортацию евреев в годы Второй мировой войны, установивший общенациональный памятный день в честь отмены рабства и утвердивший закон о геноциде армян, в том, что касается колониализма, был не столь однозначен. Алжирский правозащитник А. Аруа вспомнил в связи с недавней кончиной бывшего президента Франции, что тот был горячим сторонником «французского Алжира» и даже добровольно отправился воевать за него, будучи призванным на действительную службу в армию в 1956 г. Он также процитировал слова Ширака, произнесенные много позже, в 2000 г., о том, что Франция должна гордиться своими солдатами и отбросить всякую мысль о коллективном покаянии [8]. Однако в 2005 г., находясь с визитом на Мадагаскаре, Ширак все же упомянул о «неприемлемом угнетении, порожденном колониальной системой» [9]. Он также выступил против решения Дж. Буша развязать войну в Ираке. И это именно ему принадлежит заслуга отмены скандальной статьи о «позитивной роли колониализма».

Сменивший Ширака на президентском посту Н. Саркози был явно не согласен с таким решением. Историк Ж. Масерон, один из авторов книги «Колонизация, закон и история» [10] цитирует Саркози, который, выступая в 2007 г. в Тулоне «перед публикой, ностальгирующей по колониальному про-

шлому», заявил, что «это была не столько мечта о завоевании, сколько мечта о цивилизации», а чуть позже в Дакаре произнес свою знаменитую фразу о том, что в Африке люди никогда не стремятся в будущее. В своем отношении к прошлому из всех президентов Саркози, пожалуй, наиболее последователен. Во всяком случае, никаких разговоров о вине и покаянии он никогда не заводил. Именно в его бытность (и, вероятно, с его – в лучшем случае, молчаливого – попустительства) во Франции стали появляться памятники участникам Секретной вооруженной организации (OAS — фр. Organisation de l'armée secrète), выступавшей не только против независимости Алжира, но и за установление военной диктатуры в самой Франции и известной своими кровавыми террористическими актами, включая покушение на де Голля.

Ф. Олланд на встрече с иностранными журналистами признал неблагоприятную роль, которую сыграла Французская секция рабочего интернационала в Алжирской войне, и заявил, что социалистам предстоит еще извиниться перед алжирским народом, а также сделать так, чтобы подобное больше не повторилось. В декабре 2010 г., выступая в алжирском парламенте, Олланд признал «страдания, которые французский колониализм принес алжирскому народу» [11], однако это не помешало ему поддержать бомбардировки Сирии.

Наконец, Э. Макрон поначалу высказывался скорее в духе «позитивного вклада»: «...были попытки, но были и создание [алжирского] государства, его богатств, его среднего класса – все это реальность колонизации; [в ней] были и элементы цивилизации, и элементы варварства». Его тональность изменилась в ходе визита в Алжир в феврале 2017 г., где он впервые в истории Франции назвал колониализм преступлением против человечности, чем навлек на себя гнев все той же «ностальгирующей по колониальному прошлому» публики в Тулоне, которая 10 лет назад аплодировала Саркози. Макрона эта публика встретила возмущенными криками и попыталась сорвать его предвыборное выступление. Стушевавшись перед агрессивной толпой, кандидат пошел на попятный и заговорил о «большой работе», проделанной во французском Алжире «замечательными людьми», которых он невольно обидел и у которых просит прощения.

Подчеркнем, что характерной чертой всех французских президентов является то, что свои осуждающие колониализм слова они обычно произносят за рубежом, в тех странах, где этих слов ждут, тогда как на родине они высказываются более осторожно, сознавая, что немалая часть населения смотрит на проблему не со стороны колонизованных, а со стороны колонизаторов, считающих себя преданными и несправедливо обиженными, а высказывания первого лица государства воспринимают

как оскорбление их памяти и чести. Чувство рессентимента присутствует с обеих сторон, поэтому так трудно удовлетворить претензии одних, не обидев других. Тем не менее, став президентом и обретя некоторую уверенность в своих силах, Макрон дал понять, что не отказался от идеи «положить конец застаревшему конфликту памяти», для чего необходима большая работа по его осмыслению, которая до сих пор не была проделана. В недавнем интервью газете «Фигаро» президент заявил, что Алжирская война должна стать столь же важной темой общественного обсуждения, как при Шираке были антисемитские преступления режима Виши и его сторонников [12].

Содержание преподавания истории колониализма в школе регулярно вызывает бурные общественные дебаты, как это было после публикации программ по истории для 3 и 4 классов в 2015 г., которые историк Ж. Жюйяр назвал «покушением на нашу идентичность» [13, р. 12]. Наиболее красноречиво высказался философ А. Финкелькрот на страницах правой газеты «Фигаро»: «Новые программы абсолютно не ставят перед собой задачу внушить любовь к Франции. Они буквально воспроизводят догматы социальной критики: все зло мира происходит от угнетения, неравенство – источник всякого насилия. Иными словами, исламский фанатизм – продукт злоупотреблений колониализма, продолжающихся в постколониальную эпоху. Если мы будем рассматривать историю XVIII–XIX вв. как «мир, где господствуют Европа, колониальные империи, <...>, работорговля», то новые школьники обретут «самоуважение», а старые утратят свое высокомерие, и это решит все проблемы. Таким образом, на смену шко-

ле как источнику знаний приходит школа-лечебница, где лечат с помощью лжи» [14].

Учительница истории Л. де Кок отмечает, что мнения относительно преподавания в школе истории колониализма часто диаметрально противоположны: одним кажется, что ему уделяется явно недостаточно внимания, оно страдает от цензуры и сохраняющихся табу; другие видят в нем отражение идеологии «покаяния», продиктованной нормами политкорректности. Между этими экстремумами лежит точка зрения тех, кто считает этот сюжет чрезвычайно чувствительным, особенно в классах, где учатся много детей иммигрантов [15, р. 4]. В своей книге «В классе белого человека: преподавание истории колониализма с 1980-х гг. до наших дней» де Кок анализирует процесс «постепенной политизации сюжета, ставшего одним из показателей напряженности отношений между школой, обществом, Республикой и нацией». В ходе этой политизации, сопровождавшейся этнизацией категорий анализа («сначала говорили о рабочих-иммигрантах, затем стали говорить об иммигрантах-магрибинцах») и виктимизацией дискурса, – пишет она, – школа оказалась в сложнейшей ситуации: от нее ожидают, с одной стороны, пропаганды единства Республики и ее универсальных ценностей, а с другой – преувеличенного внимания к культурному многообразию учащихся» [15, р. 4]. Вспоминая о своих первых днях в школе, де Кок задавалась вопросом: как рассказывать, например, об алжирской войне в классе, где половина учеников – дети иммигрантов-магрибинцев, или о работорговле и рабовладении – выходцам из Африки или с Антильских островов? Этот вопрос и сегодня стоит перед тысячами французских учителей.

Библиографический список

1. Monod J.-L. Histoire de l'Afrique Occidentale. Paris, 1926.
2. Gaulle Ch. de. Memoires d'Espoir. Le renouveau 1958-1962. Paris, 1970.
3. Verschave F.-X. La Françafrique. Retranscription de conférences-débat données par Verschave, président de Survie de 1995 à 2005. URL: <http://survie.org/francafrique/article/la-francafrique>.
4. Dozon J.-P. L'état franco-africain // Les Temps Modernes. 2002. № 4.
5. Laniray P. François-Xavier Verschave. L'homme qui voulait soulever les montagnes. Paris, 2006.
6. Verschave F.-X. La Françafrique: Le plus long scandale de la République. Paris, 1999.
7. Lévy B.-H. Le bloc-notes de Bernard-Henri Lévy // Le Point. 2005. № 6 (1024).
8. Aroua A. L'autre «discours du Vel d'Hiv» que Jacques Chirac a manqué. URL: <https://algeria-watch.org/?p=72618>.
9. Guiral A. Madagascar: Chirac rappelle une page noire de la colonisation // Libération. 22.07.2005.
10. Liauzu C., Manceron G. La colonisation, la loi et l'histoire. Syllepse, 2006.
11. Hollande reconnaît le rôle négatif de la colonisation. URL: <https://www.franceinter.fr/info/hollande-reconnaît-le-rôle-négatif-de-la-colonisation>.
12. Macron veut «le même statut qu'avait la Shoah pour Chirac en 1995» pour la guerre d'Algérie. URL: <https://www.valeursactuelles.com/societe/macron-veut-le-meme-statut-qu'avait-la-shoah-pour-chirac-en-1995-pour-la-guerre-dalgerie-115356>.
13. Juillard J. L'école et la République // Marianne. 2015. № 3 (941).
14. Finkelkraut A. L'école de la thérapie par le mensonge remplace celle des savoirs // Le Figaro. 2015. 11 mai.
15. Cock L. Dans la classe de l'homme blanc. L'enseignement du fait colonial des années 1980 à nos jours. Lyon, 2018.